

Мифологии и реалии битвы под Молодями

Амет-хан Шейхумеров

*(Крымский научный центр Института истории
им. Ш. Марджани АН РТ)*

Аннотация. Битва при Молодях, в которой войска крымского хана Девлета I Гирея не сумели захватить русское укрепление (гуляй-город) и были вынуждены отступить за Оку, в последние годы популяризируется как пример «великой победы» над крымскими татарами. Осада превратилась под пером историков в полевую битву, организованный отход – в беспорядочное бегство, на сравнительно узком (до 2 км) фронте перед гуляй-городом они заставляют скопиться «громадное татарское войско». Цветистые описания бегства и огромных потерь крымских татар стали каноном, почти всегда дополняемые рассказами об «уничтожении» и «гибели армии».

Обращение к источникам показывает, что перед нами фикция. Русские современники битвы не связывали отступление хана с огромными потерями, поясняя его «божьем милосердием» и боязнью подпасть под удар свежих московских войск. В источниках сообщается не о том, что штурм 2 августа привел к «катастрофе» и «панике», а лишь об его успешном отражении. Сцены разгрома и бегства в работах современных авторов, как правило, не подкрепляются ссылками на источники.

Изучение данных о потерях крымскотатарской аристократии показывает, что она не понесла катастрофического урона в кампании 1572 г., из всей политической элиты Крымского ханства известно о потере в битве лишь мангытского карачи-бека Дивея бея. Из знати Крыма даже по официальным оценкам русских властей погибла небольшая часть. Разгрома и уничтожения войск Девлета I Гирея в битве под Молодями не было.

Ключевые слова: битва при Молодях, военная история, крымские татары, Крымское ханство, Россия, фальсификация истории.

Для цитирования: Шейхумеров А. А. Мифологии и реалии битвы под Молодями // Крымское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 133–154. DOI: 10.22378/kio.2019.2.133-154

Битва при Молодях, произошедшая 28 июля – 3 августа 1572 г. в Подмосковье между крымскими и русскими войсками, являлась решающим и наиболее масштабным боевым столкновением во время второго московского похода Девлета I Гирея. Она относилась к числу крупнейших сражений русско-крымских войн XVI в. и являлась первой серьезной битвой, в которой московские воеводы сумели одержать победу над армией Гиреев (не считая отдельных боев и стычек, например, во время неудачных крымских попыток форсировать Оку в 1527 и 1541 гг.). При этом победа заключалась в том, что русские войска сумели «пересидеть» Девлета I Гирея, дождавшись, пока хан не ушел сам. До этого события в битвах под Коломной (1521), Судбищами (1555) и Москвой (1571) победителями оставались крымцы. Именно поэтому пятидневная осада русского лагеря, закончившаяся организованным отступлением войск хана за Оку, в последние два десятилетия оказалась в эпицентре формирования нового исторического мифа.

Так национальный нарратив породил запоздавший на четыре века реванш, порожденный стремлением изменить популярное представление о «войне двух царей», Ивана Грозного и Девлета I Гирея. Наиболее известным военным событием во время противостояния двух монархов был успешный поход крымского хана на Москву в 1571 г., приведший к сожжению русской столицы. «Молодинский миф» (искаженная репрезентация битвы при Молодях) давал возможность изобразить безуспешную осаду гуляй-города крымскими войсками как достойный реванш за московский пожар. Таким образом, читателю дается понять, что «последнее слово» осталось за царскими войсками. Чтобы ответ на беспрецедентное в истории русско-крымских войн событие (уничтожение Москвы) был адекватным, историки и писатели пишут о «паническом бегстве» и «катастрофе», привязывая их к вылазке русских войск 2 августа 1572 г., закончившейся столь желанным (хотя и мнимым) «разгромом Крымской орды».

Трудно найти современную публикацию о Молодинской битве, где не упоминалось бы беспорядочное бегство татар после неудачного штурма 2 августа, не расписывалось бы их избивение торжествующими царскими ратниками, и не менее трудно найти хотя бы один источник, содержащий информацию об этом. Картина битвы, каковая содержится в источниках, показывает лишь, что крымско-ногайская армия осадил русских воевод, пару раз атаковала, а затем утомленный затянувшейся осадой Девлет I Гирей отступил. Узнав об этом, воеводы вышли из лагеря и отправили своему монарху торжественное донесение о великой победе.

Штурм 2 августа: проблема численности атакующих сил. В первую очередь мы хотели бы обратить внимание на то, что сам факт численного превосходства крымских татар над русскими полками в кампании 1572 г. по-прежнему не доказан, хотя и воспринимается как само собой разуме-

ющиеся дело. Не сохранились реестры крымских армий эпохи Девлета I Гирея, неизвестны мобилизационная норма (с какого числа дворов брали человека для похода) в 1572 г. и реальный вклад в общие военные усилия Малой и Большой Ногайских Орд. Кроме того, не все участники ханского похода были воинами и принимали участие в боях (число слуг в крымском войске было значительно). Нельзя представить себе, чтобы все войско Девлета I Гирея собралось вокруг гуляй-города под Молодями. В условиях, когда нужно было выделить силы для охраны своего лагеря и наблюдения за Москвой и окружающим пространством, хан мог сосредоточить для атаки лишь часть своих сил.

О численном превосходстве какой-либо из сторон говорить трудно хотя бы потому, что до сих пор неизвестна численность русской армии: российские историки все еще дискутируют на тему того, учитывались ли послужильцы детей боярских в документах или нет: а ведь в зависимости от ответа число царских воинов будет отличаться значительно. Не зная точно численности ни крымских, ни русских войск, исследователи, тем не менее, пишут о численном превосходстве крымских татар. Вероятно, Девлет I Гирей действительно имел численный перевес, также вероятно, что он его не имел или, наоборот, для защиты гуляй-города, быть может, было собрано больше сил, чем для его атаки. Более подробно вопрос о численности, составе и потерях войск Крымского ханства в битве под Молодями мы рассмотрим в соответствующей работе.

Полагаем, что, сколь бы ни были велики вооруженные силы крымского хана в кампании 1572 г., для штурма русских позиций могла быть выделена лишь часть их. Холм под Молодями, на котором располагался гуляй-город, простирался с востока на запад на 1,5 км, с севера на юг – на 1 км [38, р. 60]. Восточный и южный склоны холма малоприспособлены для проведения атаки из-за росшего на них редкого леса и кустарника. Таким образом, фронт наступления крымско-ногайского войска доходил, вероятно, до 1,5–2 км. Нужно также учитывать, что гуляй-город, скорее всего, располагался не у самого подножия холма, а, в целях удобства обороны, несколько выше. О том, что крымские татары не атаковали со всех сторон холма, говорит характер вылазки русских сил 2 августа: они покинули гуляй-город с неатакованной стороны, что позволило им использовать фактор неожиданности. Мы не одиноки в своем мнении об ограниченном фронте атаки: краевед и исследователь А. А. Дудин в схеме сражения, помещенной в работе о Молодинской битве, указывал, что ханские войска наступали по северному склону холма [6]. Небольшие размеры холма – вершина его составляла 250 на 400 м – также косвенно свидетельствуют о правоте «минималистов» (сторонников учета в русских документах послужильцев вместе с детьми боярскими).

Мог ли Девлет I Гирей сосредоточить все свои «полчища» (вероятно, численность ханских сил перед началом кампании составляла до 40 тысяч человек, включая слуг) для наступления на таком, далеко не самом широком, фронте? Отталкиваясь от известных нам примеров из региональной военной истории, полагаем, что нет.

28 июля 1656 г. в битве под Варшавой 19-тысячная шведско-бранденбургская армия выстроилась в 2,5-километровую линию [36, р. 141]. Численность крымско-казацких войск в битве под Подгайцами в 1667 г. польский историк В. Маевский определял в 20–30 тысяч. Однако для наступления на польские оборонительные позиции союзники были вынуждены сформировать две ударные группы, наступающие на двух участках фронта шириной 1 км каждый. Из-за ландшафтных ограничений калга-султан Крым Гирей и гетман П. Дорошенко могли одновременно ввести в дело не более 8–10 тысяч воинов [35, р. 90]. 12 сентября 1683 г. в битве под Веной 65 тысяч христианских войск наступали на 60 тысяч турок на фронте в 8 км [44, р. 142, 145]. Польские позиции, обороняемые 17–18-тысячной армией, в битве под Бояном 1 октября 1685 г. атаковало, по мнению польского историка М. Вагнера, 10–12 тысяч турок и 8–10 тысяч татар, наступавших на фронте протяженностью 2,5–3 км [42, р. 102]. В битве под Подгайцами 8–9 сентября 1698 г. 5 тысяч польских воинов образовали три линии, занявшие по фронту 2,5 км и эшелонированные в глубину на 650 метров [45, р. 116–119].

Не следует упускать из виду и то, что крымцы часто атаковали лишь отдельные пункты неприятельской обороны, на других направлениях ограничиваясь связыванием противника гарцами и перестрелкой. В битве под Оринином в 1618 г. из трех польских таборов татары сначала ударили на правый табор, затем перенесли тяжесть атак на левый [37, р. 47–48]. Под Войниловым в 1676 г. крымские татары атаковали на фронте 3 км, хотя основной удар нанесли лишь по левому крылу противника [43, р. 253–256]. Под Вишневецом в 1512 г. из 4 отрядов первой линии крымской армии 2 отряда ударили в стык между литовской и польской частями вражеского войска. Третий отряд напал на литовцев с фронта, а четвертый – бросился на поляков. Половину линии, растянувшейся на 1,5 км, занимало три отряда из четырех [40, р. 126–127].

Что подобную тактику ханские военачальники стремились применить под Молодями, видно по действиям Дивея бея, который 30 июля «поехал около обозу с невеликими людьми розсматривать, которые места плоше, и на то б место всеми людьми, потоптав, обоз разорвати» [15, с. 225]. 2 августа «почали татаровя в трех местех в город ломитца и за доски хватать руками» [18, с. 200].

На основании вышеприведенных примеров можно условно оценить

численность задействованных в штурме 2 августа воинов в 10–15 тысяч, остальные же, вероятно, оставались в резерве. Разумеется, точно определить численность войск, которые Девлет I Гирей выделил для атаки, мы не можем, так как реальная глубина атакующего порядка неизвестна, к тому же нет никакой информации о соотношении конных и пеших участников атаки. Тем не менее считаем, что хан не мог ни отправить одновременно все свои силы на гуляй-город, ни создать подавляющий численный перевес над защитниками укреплений. Вероятно, в штурме участвовала меньшая часть крымско-ногайской армии, по причине чего часть источников вовсе не упоминала бои 2 августа (для сравнения – пленение Дивея бея отмечалось почти всеми ими как действительно важное событие). Потери атакующей группировки не повлияли принципиально на баланс сил обеих сторон и никак не могли привести к «разгрому» всей ханской армии.

В то время как военачальники всех армий во все времена были вынуждены считаться с условиями местности и выстраивать сообразно им свои войска, под Молодями в 1572 г., согласно концепции мифа, «огромная крымско-турецкая армия» сгрудилась на совершенно недостаточном для ее полного развертывания пятачке земли. Так «неудобные» детали предаются забвению ради возвеличивания победы. Принимаемое по умолчанию мнение, будто все перешедшие Оку воины Девлета I Гирея собрались перед гуляй-городом на пространстве шириной в 1,5–2 км, не озаботившись ни блокадой лагеря, ни наблюдением за окрестной территорией, является примером упрощения, существенно искажающего картину битвы.

Потери знати – ключ к потерям рядовых. Хотя в нарративных источниках встречаются сведения, используемые для определения потерь хана в битве под Молодями, не все из них правдоподобны. Полагаем излишним пояснять, почему данные Новгородской второй летописи о 100 тысячах убитых из 120-тысячной татарской армии нереальны (по предположению В. В. Пенского, эти сведения взяты из победной реляции (сеунча) князя М. И. Воротынского) [38, р. 70].

Не менее неправдоподобно мнение, будто сведения С. Грабовецкого (изложенные в его письме императору Максимилиану от 5 сентября 1576 г.) о том, что во время набега на русские земли татары потеряли 40-тысячное войско [21, с. 34–35], относятся к Молодинской кампании. По смыслу письма понятно, что Грабовецкий писал именно о 1576 г. Уцелевшие татары, по его словам, подверглись нападению запорожских казаков, которые отправили 12 пленных недавно прибывшему в Польшу королю Стефану Баторию. Баторий не мог быть королем в 1572 г., следовательно, попытка отнести события, описанные Грабовецким, к Молодям лишена смысла. Более того, никакого крымского набега на Россию в 1576 г. не было и Грабовецкий, вероятно, просто пересказал услышанные им где-то слухи.

Единственной зацепкой нарративного характера, позволяющей если не определить точную величину потерь, то хотя бы подтвердить наше мнение о фантастичности «гибели крымской армии», является речь русского посла в Речи Посполитой князя Ф. М. Троекурова. Выступая перед Панами-Радой в 1585 г., он сказал о московских походах хана следующее: «Не в давних временах делалось (вам то и самим ведомо), Крымской Царь пришел безвестно, у Москвы посады пожег; а на другое лето пришел похвалясь, а с ним 150 тысяч ... Государя нашего Боярин, К. Мих. Ив. Воротынской с товарищи Крымсково побили: убили у него лутчих людей, Карачеев и Князей и Мурз, о которых Крым стоял, со сто человек и больше... а рядовых много тысяч» [7, прим. 79]. Обратим внимание на то, что, хотя речь посла и носит пропагандистский характер, Троекуров не пытался воздействовать на своих слушателей рассказами о «гибели всей армии Крымского ханства». Было очевидно, что ему не поверят. Потери оцениваются послом в размытые «много тысяч» рядовых (и это – при 150-тысячной армии) и «сто человек и больше» аристократов (беев и мурз). Вряд ли русские знали точные потери противника, так как татары убитых старались увозить с собой, и перед нами, скорее всего, приблизительная (и завышенная) оценка. Как правило, царские послы действовали согласно полученным инструкциям («наказам»), поэтому считаем, что речь князя Троекурова отражала официальную точку зрения Москвы на кампанию 1572 г., адресованную заграничной аудиторией.

Попробуем применить эти числа в рамках нашего исследования. В первую очередь следует определить общую численность крымскотатарской аристократии, чтобы понять, какая ее часть, по сведениям русского посла, вышла из строя в результате битвы при Молодях. По мнению польского историка Л. Подхородецкого, она составляла 1% населения ханства, еще 5–6% приходилось на мусульманское духовенство [39, р. 48]. Это соответствует информации, полученной из кадийских сиджилей (судебных документов ханской эпохи). Согласно исследованиям польского тюрколога Н. Круликовской-Едлиньской в суде Карасубазара в 1683 г. аристократы составляли 0,6% участников спорных дел и 1,6% – неспорных. В центральном суде ханства – кадиаскерском, заседавшем в Бахчисарае, доля знати, представленной в судебных делах, была в разы выше (соответственно, 6,6 и 8,9%), что объясняется высокой концентрацией служилой аристократии в столице и ее окрестностях [34, р. 130]. Ввиду этого полагаем, что всего знать могла составлять 1–1,5% крымскотатарского населения. Вероятно, речь шла о не менее чем 3 тысячах аристократов и членов их семей во второй половине XVI в. За более позднее время есть мнение Эвлии Челеби (1660-е гг.). Турецкий путешественник оценивал численность мурз под командованием ширинского бея в 300 человек, мансурского бея – в 140 [29,

с. 100]. При этом, конечно, не все мурзы уходили на войну (полагаем, что среди них процент ушедших был выше, чем среди простолюдинов, так как знать была военным сословием).

На рубеже XVI–XVII вв. Боран Гази, правитель Малой Ногайской орды, имел под началом 80 мурз («Барагазы-князь з братьею и з детьми, и с племянники – восьмдесят мурз» [20, с. 174]). Немало мурз проживало и в Большой Ногайской Орде.

Для сравнения – в России жили сотни служилых татарских мурз и князей. Среди одних только темниковских татар князей и мурз на 1678 г. насчитывалось, соответственно, 294 и 239 [4, с. 34]. В книге Полоцкого похода 1563 г. сообщается, что «в передовом полку нагайские мирзы Тахтар мирза с товарищи 16 ч., а казаков их и с крымскими выходцы 244 ч.» [8, с. 42], то есть в данном случае 6,5% численности отряда составляла знать.

Другой способ использования чисел Троекурова – сравнение их с данными о потерях крымской аристократии и простых воинов в иных боях. Это позволит понять, какой процент войска был потерян в Молодинской битве, по мнению посла. Под Моллахасаном 30 ноября 1578 г., по данным османских источников, погибло 2 тысячи крымских всадников, в том числе более 30 «беев», то есть аристократов [23, с. 89]. В 1671 г. под Кальником погибло 5–8 мурз и 300 простых татар (по сведениям польской стороны) [31, р. 182; 33, р. 713]. Согласно «Краткой аннотации варшавских и городских сеймов», в битве под Подгайцами в 1698 г. пало 200 татар и несколько мурз [45, р. 171–172]. В целом можем считать, что на 1 убитого аристократа приходились десятки простых воинов, в среднем – 50–100. По «моллахасанской» норме (2000 простых воинов на 30 мурз и беев) под Молодями должно было пасть не менее 7–10 тысяч, по «посольской» версии (то есть далеко не «уничтожение»).

На фоне этих сведений хвастливые речи Ф. М. Троекурова о гибели якобы сотни с лишним мурз и беев не выглядят доказательством «катастрофического поражения» ханской армии. Особенно учитывая, что знать сражалась в первых шеренгах войск. Добавим также, что при штурме 30 июля русские взяли в плен 90 татарских воинов, в том числе несколько мурз [38, р. 62]. Сколько же тогда должно было приходиться простых воинов на более чем сотню (скорее всего, на деле – несколько десятков) мурз, погибших в боях 28 июля – 3 августа?

В Крымском ханстве высшая знать сражалась в битвах, возглавляя свои войска. Если бы битва под Молодями действительно была «катастрофой», она привела бы к большим потерям среди первых лиц государства. Согласно исследованию А. В. Виноградова, в состав политической элиты ханства в 1563–1577 гг., по данным русской и польско-литовской дипломатической документации, входило десять человек. Из них лишь мангытский карачи-

бек Дивей бей был пленен под Молодями. Он оказался единственным представителем крымской политической элиты, про которого известно, что он «выбыл из строя» в результате Молодинской битвы [3, с. 28–29]. Ширинский и аргынский карачи-беки Хаджи и Хаджи Ягмурчи успешно пережили 1572 г. [10, с. 129; 31, р. 454].

Таким образом, мы приходим к выводу, что кампания 1572 г. не оказала решающего влияния на состав крымскотатарской элиты, не привела к гибели и пресечению знатных родов Крымского ханства, не нанесла сколь-нибудь катастрофического урона крымской знати (в численном выражении). Следовательно, она не нанесла подобного урона и армии.

Был ли разгром? Как уже отмечалось выше, ни один русский источник ничего не пишет про то, как крымцы при штурме 2 августа паникуют и обращаются в бегство. Описание событий в них останавливается на сообщении о завязавшемся рукопашном бое, после чего выясняется, что вечером 2 августа Девлет I Гирей ушел к Оке, а узнавшие об этом русские утром 3 августа вышли из гуляй-города, нанесли поражение заблаговременно выставленному арьергарду и преследовали его до Оки. Про то, что подобным образом преследовались с боем главные крымские силы, ничего не известно. Следовательно, попытки объяснить якобы «огромные» потери крымских и ногайских татар их бегством и эффективно организованной погоней не подкреплены источниками. Мы не отрицаем возможность того, что 2 августа часть ханских войск под натиском неприятеля могла дрогнуть или прийти в расстройство, однако подобное мнение следует высказывать лишь как гипотезу до тех пор, пока этому не будет найдено реальных доказательств.

Неизбежно возникает вопрос: если все крымское войско 2 августа действительно было обращено в бегство, почему тогда царские военачальники после этого увели войско обратно в гуляй-город и покинули его вновь лишь утром 3 августа после известия об отступлении хана? Полагаем, они осознавали, что после провала штурма крымские полководцы все еще превосходят своего противника в случае вероятного полевого столкновения, и потому благоразумно оставались под защитой укреплений вплоть до следующего дня. И лишь осознав, что после ханского марша к Оке вероятность подобного столкновения близка к нулю, они отправили свои силы к опустевшему татарскому лагерю.

Как писал В. В. Пенской, русские воеводы придерживались двух вариантов действий при победе над врагом: «безоглядное преследование применялось тогда, когда было очевидно – главные силы неприятеля наголову разгромлены в «съемном бою» и бегут без оглядки. В противном случае, если враг отступал с поля боя в относительном порядке к своему лагерю и только после этого под покровом ночи снимался и начинал отход, пресле-

дование осуществлялось осторожно». По мнению исследователя во время татарских вторжений 1533 и 1541 гг. воеводы не пошли за Оку, так как противник не был ими разгромлен и сохранял силы для дальнейших действий, в отличие от Московского похода Гази II Гирея 1591 г. [12, с. 183–184]. И действительно, применительно к кампании 1591 г. детальных описаний беспорядочного бегства крымских татар сохранилось немало [12, с. 26–27]. Это отличает «царев приход» к Москве 1572 г. от кампании, имевшей место спустя два десятилетия после Молодей.

Сравнение отступления крымских войск в 1572 и 1591 гг.

Отступление Гази II Гирея из-под Москвы в 1591 г.	Отступление Девлета I Гирея из-под Молодей в 1572 г.
Источники подчеркивают, что бегство из лагеря было беспорядочным, татары «бежаху и друг друга топтаху».	Источники не сообщают про панику в ханском лагере.
По дороге к Серпухову русские воеводы обнаружили много брошенных коней, трупы, противник «лошади многие и всякую рухлядь метал».	Все, что обнаружили воеводы по дороге к Серпухову, – это заранее выставленные ханом аррьергарды, никаких описаний пути, усеянного погибшими и задавленными людьми и конями, в источниках нет.
Русское командование преследовало отступавших татар и за Окой.	Русское командование за Окой хана не преследовало.

Ввиду вышесказанного у нас нет сомнений в том, что действия русских военачальников 2–3 августа вовсе не похожи на поведение победителя, разгромившего врага в решающем бою. Напротив, перед нами второй вариант преследования, с организованно ушедшим под покровом ночи ханом и осторожными действиями московских войск.

Обратим внимание на то, что при описании бегства воинов в источниках используются характерные речевые обороты. Так, некоторые русские воины в битве под Судбищами (1555), по Никоновской летописи, «с бою съехали розметав с себя орудие» [14, с. 257], то есть разбежались, побросав оружие. Подробные описания бегства крымских татар известны по ряду битв (например, под Берестечко в 1651 г. или Львовом в 1675 г.), с упомина-

нием брошенных луков, сабель, седел, отставших и оставленных раненых и больных. Такая же лексика источниками в отношении воинов хана под Молодями не используется. Ни один источник ничего не сообщает о том, что 2 августа крымцы бежали от стен гуляй-города, бросая оружие, вещи и павших товарищей.

Приходится признать, что трудно реконструировать ход битвы после того, как русские ударили крымско-ногайским войскам в тыл. Мы можем выдвинуть свою гипотезу. После вылазки противника, приведшей к «съемному бою», Девлет I Гирей бросил в схватку свои резервы и отбросил царских воевод обратно в гуляй-город. Однако ввиду усталости воинов и больших потерь продолжение штурма не имело смысла. Тогда становится понятно, почему одни источники, освещающие события с русской стороны (Генрих фон Штаден, Московский и Пискаревский летописцы), вообще ничего не сообщают о штурме 2 августа (чтобы было бы странно, если бы во время этого штурма действительно удалось бы «уничтожить» врага и нанести ему полное и окончательное поражение). Те же источники, что сообщают о боях 2 августа, о панике и бегстве крымских татар не говорят ни слова. Все татарские отряды, с которыми столкнулись царские воеводы при преследовании 3 августа, в источниках однозначно названы специально выделенными арьергардами, а не бегущими беспорядочными толпами.

В пользу нашего мнения о том, что ханское войско не понесло катастрофических потерь, говорит то, что уже на следующий год после Молодей крымские «царевичи» отправились в набег на Рязанщину. Крымцы, возглавляемые самим ханом, сыграли решающую роль в поражении мятежного правителя Молдавии Иона Лютого в битве при Кагуле 10 июля 1574 г. В 1575 г. татары совершают грандиозный набег на Речь Посполитую, набег столь масштабный и разрушительный, что он удостоился подробнейшего описания польских современников данного события. Один из них, Мачей Стрыйковский, даже оценил «уничтоженное» три года назад татарское войско в 121 тысячу [22, с. 944–945]. В 1578–1579 гг. крымские армии (оцениваемые источниками в десятки тысяч) будут совершать походы в Ширван, активно участвуя на стороне Османской империи в войне с кызылбаши.

Но наш главный свидетель в деле о «катастрофе» – это царь Иван Грозный и его военачальники. Московские воеводы обозревали поле боя, видели, сколько пало неприятелей. И как же поступало русское командование в последующие годы? Уже в 1573 г. царские войска были вновь развернуты на Оке, традиция стандартного прикрытия «Берега» продолжалась, как и прежде до Молодей. Царь и его окружение ожидали очередного вторжения. По замечанию В. В. Пенского, «в Москве каждую весну отправляли к границе значительные силы (особенно осенью 1575 и весной-летом 1576 г.)»

[38, р. 72]. Русское руководство прекрасно понимало, что хан сохранил основные силы своей армии, и угроза большого похода из Крыма на Москву сохранялась и после 1572 г. Так, в 1580 г. русские выставили на западном фронте не более 12–14 тыс., так как им по-прежнему приходилось собирать на Оке пятиполковую рать. Это стало одной из причин поражения царских воевод в борьбе со Стефаном Баторием [19, с. 202–203]. Грозная тень «разгромленного» крымского войска по-прежнему нависала над Россией, оказывая влияние на ход военных кампаний спустя годы после Молодинской битвы.

Любопытно отметить, что после сожжения Москвы в 1571 г. «Иван IV вновь стал применять в посланиях в Крыму изначальную формулу, несшую в себе элемент униженности и подчиненности – «Великие Орды великому царю... Иван Васильевич челом бьет», и продолжал писать так после битвы под Молодями [24, с. 84]. Мифическое «уничтожение огромного крымского войска» не повлияло даже на униженный тон обращений русского царя в Бахчисарай. Более того, ни сам царь в разговорах с крымскими дипломатами, ни русские послы в Крыму нигде не затрагивали тему Молодинской битвы. В известной речи перед крымскими посланниками 30 января 1574 г., несмотря на ее довольно гордый тон, Иван Грозный лишь вскользь упомянул поход 1572 г. («брат наш о том с нами ни о чем не обослался, да опят на нашу землю войной приходил» [17, с. 151]). Про битву же он не сказал ни слова.

В Крымском ханстве, подобно другим степным державам, военные успехи хана свидетельствовали о наличии у него необходимой правителю харизмы. Не любившие воевать ханы презирались населением, «несчастливые», то есть проводившие неудачные походы – тоже. Раздражение как у населения, так и у знати вызывали большие потери и тяжелые поражения. Если бы битва при Молодях действительно была «катастрофой», как о том пишут некоторые российские историки, то это привело бы к серьезному падению имиджа крымского хана, русские послы сообщали о восприятии населением Девлета I Гирея как «несчастливого царя» и т. д. Ничего этого, однако, не было. Хотя, согласно сведениям И. Лошкина (прибывшего в Россию в составе крымского посольства и бежавшего от крымцев), «землеу деи царя мало любят, любят деи сына его Адыл-Гирея царевича, потому что деи он – воинской человек, охочь до войны» [17, с. 223], однако сам Лошкин не связывал это с Молодями.

Несмотря на то, что в Крымском ханстве, похоже, не заметили собственного «уничтожения» и «катастрофы», некоторые исследователи пытаются доказать обратное. А. В. Виноградов писал: «Хан Девлет-Гирей I в большинстве случаев прибегал к выражению «Великие Орды великого царя Девлет-Гиреево цареву слово», иногда просто «Девлет-Гиреево цареву слово». Немаловажно, что вторая форма обращения стала превалировать

посла разгрома Крымской Орды при Молодях летом 1572 г.» [16, с. 366]. Перед нами – пример намеренного искажения действительности, тем более странного, что помещено оно в издании 13-й Посольской книги по связям Московского государства с Крымом, из содержания которой нетрудно убедиться, что смены интитуляции после битвы под Молодями не было: она случилась ранее, после величайшей победы Девлета I Гирея. Крымский хан использовал формулу «царево слово» после сожжения им Москвы в мае 1571 г. [16, с. 328]. И это само по себе доказывает, что он не считал изменение интитуляции поступком, снижающим его престиж.

Молодинская битва: от источников к историографии. Достоинно сожаления, что российские исследователи пишут о «разгроме крымских татар в битве под Молодями», в доказательство чему цитируют источники, о разгроме не сообщавшие. Приведем несколько примеров (из десятков существующих), показывающих, как сильно историки искажают факты в угоду социальному заказу. В. И. Буганов сообщает, что под Молодями «татары были наголову разгромлены и обращены в бегство» [1, с. 166], приводя затем источники, которые об этом не пишут. Документ № 4, цитируемый им («Записи Разрядной книги о “береговой службе” и отражении нашествия крымских татар в 1572 г.»), гласит: «А в субботу царь крымской послал царевичей и нагайских тотар и многие полки пеших и конных к гуляю городу выбивати Дивея мурзу. И тотаровя пришли к гуляю и изымалися у города за стену руками; и тут многих тотар побили и руки пообсекли безчисленно много. И боярин князь Михайло Иванович Воротынской обошел с своим большим полком крымских людей долем, а пушкарем приказал всем из большово наряду, ис пушек и изо всех пищалей стрелять по тотаром. И как выстрелили изо всево наряду и князь Михайло Воротынской прилез на крымские полки ззади, а из гуляя города князь Дмитрий Хворостинин с немцы вышел. И на том деле убили царево сына да внука царева колгина сына и многих мурз и тотар живых поимали. И тово же дни августа в 2 день в вечеру оставил крымской царь для отводу в болоте крымских тотар три тысени резвых людей, а велел им травитца; а сам царь тое ночи побежал и Оку реку перелез тое же ночи» [1, с. 180].

Ни паники, ни разгрома, ни беспорядочного бегства крымских татар в вышеприведенном источнике нет. Сообщено лишь о вылазке и бое, завязавшемся после нее. Затем описание переходит к рассказу о ханском отступлении и выставленных арьергардах.

А. И. Филюшкин в статье о битве при Невеле (1562) высказывает мысль, что поражения русских в ней не было и нельзя слепо доверять польским нарративным источникам XVI в. [25]. Однако в других работах он указывает, что крымское войско в Молодинской битве было уничтожено [30,

р. 137] или даже что «погиб весь цвет крымской армии, ее лучшие воины» [26, с. 23], и утверждения эти высказываются без критицизма, свойственного работам о поражениях (реальных или мнимых) русских войск.

А. В. Виноградов и А. В. Малов пишут о «панике в рядах ханской армии, превратившей отход в паническое бегство с дополнительными большими потерями» [11, с. 201; 2, с. 218] без ссылок на источники. Трижды они называют битву при Молодях «катастрофой» для хана, не обосновывая выбор этого термина и его уместность [2, с. 207, 210, 218]. Вместе с тем мнение о разгроме русских в Московской битве в 1571 г. эти исследователи требуют подкреплять доказательствами [2, с. 228]. В приводимом ими официальном русском источнике (Посольской книге) сообщается: «Государя царя и великого князя воеводы боярин князь Михайло Иванович Воротынской с товарищи сошлись с ними у Воскресенья в Молодех и со царем и со царевичи дело делали и крымских людей многих побили. И как крымской царь Девлет Кирей из Государя царя и великого князя земли поворотил назад и з дороги отпустил ко царю и великому князю гонца своего Шигая с товарищи з грамотами» [2, с. 244]. Про панику, беспорядочное бегство и катастрофу Посольская книга также ничего не сообщает. Обратим внимание, что текст официального документа не подразумевает вытеснения ханской армии с поля боя под давлением царских ратей, а лишь сообщает, что хан сам пришел и сам же «поворотил назад» (а не был разгромлен или отброшен). Что касается стандартной фразы про «побиение» «многих людей», то таковые ни к чему историков не обязывают, являясь рефреном, прилагаемым в русских источниках к практически любому бою независимо от его масштаба.

Разгрома (т. е. утраты крымским войском боеспособности) не заметили и иные источники. Например, Московский летописец сообщал, что Девлет Гирей «посылал под Москву языков добывать, и привели человека благо-разумна, ему жь бог вложи совет благ: “Изволи умрети и польза душе сотворити”. И начата его спрашивать: “Где государь и хто на Москве, и нет ли прибылых людей?” И он в роспросе сказал: “Государь был в Новгороде, а ныне, собрався с новгородскою силою и с немцы, идет к Москве. А перед государем при мне пришел боярин и воевода князь Иван Федорович Мстиславской, а с ним 40 000 войска. И яз пошел, и на Москве учал быть звон великой и стрельба. И, чаю, пришел и государь. А завтра резвые люди будут в полки к бояром”. А бояря велели перед зарею из большево наряду стрелять и по набатам и по накрам бить, и в трубы трубить на радости, что Дивея мурзу взяли. И царь устрашился, чает, что пришли в обоз прибыльные люди, и того часа и поворотил, пошел наспех за Оку. О судьб твоих, владыко, и милости твоя, царю небесный! Како сильнии падоша, а немощнии препоясаша силою, не до конца на ны прогневался, но избави нас от агарянского насилия, в первый же приход оскорби, ныне же обрадо-

ва! Бояря же и воеводы и все христоролюбивое воинство радосными гласы восклицают: “Десница твоя, господи, прославися в крепости, десная твоя рука, господи, сокруши враги, и истерл еси супостаты!” И сию преславную победу возвестили государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, сущу в Новгороде, послали с сеунчем князя Данила Андреевича Нохтева Суздальскова да Алексея Старого» [15, с. 225].

Мы не случайно процитировали слова летописца столь подробно. Из них явно следует, что московские воеводы не прогнали крымскую конницу с поля боя дружным натиском своих полков, а узнали об уходе хана постфактум, сидя в своих укреплениях, после чего поспешили отправить сеунч с сообщением о «великой победе». Немаловажным является сообщение источника о том, что Девлет I Гирей рассылал конные отряды под самую Москву (вероятно, и в других направлениях) во время осады гуляй-города, то есть не концентрировал все свои силы в одном месте.

Пискаревский летописец писал, что крымский «царь стоял два дни и пошел назад. А в полках учал быти голод людям и лошадем великой; аще бы не бог смилосердовался, не пошел царь вскоре назад, быть было великой беде. А князь велики в ту пору был в Новгороде в Великом со всем, а на Москве оставил князя Юрья Токмакова с товарищи. А как царь стоял на Молодах, и князь Юрья, умысля, послал гонца к воеводам з грамотами в обоз, чтобы сидели безстрашно: а идет рать наугородцкая многая. И царь того гонца взял, и пытал, и казнил, а сам пошел тотчас назад» [15, с. 192]. И вновь мы не видим и намек на разгром. Скорее, по тексту летописца, на грани разгрома находилась русская рать, однако от «великой беды» ее спасло неожиданное отступление хана.

Немец-опричник Генрих фон Штаден вспоминал: «Великий князь послал из Великого Новгорода нашему воеводе, князю Михаилу Воротынскому лживую грамоту: тот должен-де держаться, он собирается послать ему на помощь короля Магнуса с 40 000 лошадыми. Это письмо получил крымский царь, испугавшись и павши духом, он отправился оттуда обратно в Крым» [28, с. 201]. Как и многие другие современники битвы, Штаден не заметил разгрома крымцев, в боях против которых он принимал личное участие. Подобно Пискаревскому летописцу, он видит причину отступления татарской конницы в искусно проведенной кампании по дезинформации хана.

Думаем, что неслучайно иностранцы, посещавшие Москву в последующие годы – Джером Горсей, Джайлс Флетчер, Исаак Масса, Жак Маржерет – не упоминали о Молодинской битве ни слова. Остается предположить, что потрясенные величием триумфальной победы московских воевод иноземцы лишились дара речи, иначе они, несомненно, не преминули бы о ней написать. Летописи одного из ближайших соседей России – Великого княжества Литовского – знали о сожжении Москвы Девлетом I Гиреем, но

не придавали значения битве при Молодях. В России существовала вековая традиция увековечивать победы над врагами сооружением храмов, соборов и монастырей. Ряд их был построен после отражения татарских походов в 1451, 1459, 1480 и 1591 гг., взятия Казани в 1552 г. Однако битва 1572 г. специального храма так и не получила, ввиду ее второстепенности в глазах современников¹.

Осада русского лагеря при Молодях затерялась в вихре бурных политических событий эпохи, среди постоянных набегов крымских татар на Россию, «Баториевой войны» и опричнины. Русские власти по-прежнему собирали на Оке мощную армию, ожидая нового вторжения, крымский хан все так же проводил военные кампании. Можно согласиться с И. В. Косточкиным, отмечавшим, что битва воспринималась современниками как рядовое событие [9, с. 378], что заметно контрастирует с нынешними политизированными попытками поднять на щит «великую победу над крымскими татарами». Приведем всего один пример из множества. 28 апреля 2016 г. Московская областная дума приняла закон № 34/2016-ОЗ «О присвоении селу Молоди Чеховского района Московской области почетного звания Московской области «Населенный пункт воинской доблести». Статья 1 данного закона гласит: «В целях увековечения памяти защитников Отечества, отличившихся в сражениях, проходивших на территории села Молоди Чеховского района Московской области, в ходе которых они проявили мужество, стойкость и героизм, присвоить почетное звание Московской области «Населенный пункт воинской доблести» селу Молоди Чеховского района Московской области».

Вывод. Бои под Молодями 28 июля – 3 августа 1572 г. представляли собой преимущественно осаду ханом русского укрепленного лагеря (гуляй-города), где укрылись царские воеводы, предпочитавшие истощать своих воинов и их коней голодом вместо того, чтобы рисковать вступить в полевую битву с крымскими татарами. Вероятно, они не надеялись ее выиграть (что позднее с сарказмом отмечал крымский монарх в грамоте, адресованной царю). Это и неудивительно, так как в битве в открытом поле «хан, располагая более многочисленной, превосходящей своей тактикой и выучкой татарской конницей, мог рассчитывать одержать успех» [38, р. 52]. Максимум, что мог сделать талантливый русский военачальник князь М. И. Воротынский, это спрятаться в гуляй-городе в расчете на то, что Девлет I Гирей со своими изнуренными долгим маршем войсками не сможет взять укрепление [15, с. 224]. Царское командование изначально не планировало вступать в открытую битву с ханской кавалерией [1, с. 170–171], надеясь, что вести долгую осаду в сердце вражеской земли у крымских

¹ Благодарим О. В. Комарова, обратившего наше внимание на данное обстоятельство.

полководцев не хватит времени и возможностей. Эта тактика полностью оправдала себя.

Штурм 2 августа, который занимает центральное место в Молодинской мифологии, вероятнее всего, не был решающим событием, в пользу чего говорит то, что часть источников не упоминает о нем вовсе. Яркие сцены избиения бегущих от стен гуляй-города татарских орд торжествующими русскими воинами в современных работах не находят подтверждения в источниках. Источники с русской стороны (Московский и Пискаревский летописцы, Генрих фон Штаден, Разрядные и Посольская книги, «Повесть о победе») ничего об этом не сообщают. Русские современники, похоже, сами не понимали, почему хан отступил, списывая его решение на «божье милосердие» и боязнь подхода свежих русских полков. Хотя, конечно, если бы они действительно были уверены в разгроме и уничтожении крымских сил, то они назвали бы именно этот разгром итоговой причиной поражения.

Молодинская битва не затмила в глазах современников зарево московского пожара, хотя ныне была призвана исполнить эту роль в сознании потомков. Битва не сумела подорвать военный потенциал Крымского ханства, по-прежнему игравшего важную роль в истории региона и остававшегося сильной военной державой еще долгие десятилетия, проводившей широко-масштабные походы почти ежегодно после 1572 г.

Список литературы

1. *Буганов В. И.* Документы о сражении при Молодях // Исторический архив. 1959. № 4. С. 166–183
2. *Виноградов А. В., Малов А. В.* «Сошлись с ними у Воскресенья в Молодех». Материалы о походе Девлет-Гирея I на Москву 1572 г. в Крымской посольской книге 1571–1578 гг. // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 2. М., 2011. С. 202–253.
3. *Виноградов А. В.* Состав политической элиты Крымского ханства в 1560–1590 гг. по материалам русской и польско-литовской посольской документации // Восток. 2016. № 5. С. 25–41.
4. *Габдуллин И. Р.* От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006. 320 с.
5. *Дудин А. А.* Молодинская битва. М., 2016. 130 с.
6. *Карамзин М. Н.* История государства Российского. Том X. СПб., 1824. 291 с.
7. Книга Полоцкого похода 1563 г.: исследования и текст. СПб.: Российская национальная библиотека. 2004. 107 с.
8. *Косточкин И. В.* Молодинская кампания 1572 года. Тактика, стратегия, войско // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды V Международной научно-практической конференции. 2014. Часть II. С. 378–389.

9. *Лаиков Ф. Ф.* Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // Известия Таврической учетной архивной комиссии. 1895. Том 23. С. 118–129.
10. *Малов А. В.* Молодинская битва в контексте военно-политической ситуации в мусульмано-христианской контактной зоне // Средневековые тюрко-татарские государства. Выпуск 2. Казань: Ихлас, 2010. С. 186–207.
11. *Пенской В. В.* Последний бой: нашествие крымского хана Гази-Гирея II на Москву в 1591 г. // История в подробностях. 2010. № 11. С. 16–29.
12. *Пенской В. В.* Военное дело Московского государства. От Василия Темного до Михаила Романова. Вторая половина XV – начало XVII в. М.: ООО «Центрполиграф», 2018. 352 с.
13. Полное собрание русских летописей. Том 13. Часть 1. СПб., 1904. 303 с.
14. Полное собрание русских летописей. Том 34. М.: Наука, 1978. 313 с.
15. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. М., 2016. 400 с.
16. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1571–1577 гг. М., 2016. 400 с.
17. Разрядная книга 1550–1636 гг. Том I. М.: Наука, 1975. 357 с.
18. *Смирнов Н. В.* Русская армия на литовском направлении во время великолукской кампании Стефана Батория 1580 года // Novogardia. 2019. № 2. С. 197–212
19. Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М. – Л., 1954. 490 с.
20. *Стороженко А. В.* Стефан Баторий и днепровские казаки. Киев, 1904. 327 с.
21. *Стрийковський М.* Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. Львів, 2011. 1075 с.
22. *Фарзалиев А.* Южный Кавказ в конце XVI в. Осmano-сефевидское соперничество. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. 153 с.
23. *Филюшкин А. И.* Формулы самопрезентации высшей власти в invocatio посольских грамот Ивана IV // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 1(23). С. 76–90.
24. *Филюшкин А. И.* Мифология и реалии битвы под Невелем 1562 г. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana / Петербургские славянские и балканские исследования. 2012. № 1. С. 197–202.
25. *Филюшкин А. И.* Победы русской армии и флота. М.: РОСМЭН, 2015. 80 с.
26. *Штаден Генрих.* Записки о Московии. В 2-х томах. Том 1. М.: Древлехранилище, 2008. 584 с.
27. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Симферополь: Доля, 2008. 274 с.
28. *Filjushkin A.* Ivan the Terrible: A Military History. London: Frontline books, 2008. 304 p.

29. *Grabowski A.* Ojczyznie spominki w pismach do dziejów dawniej Polski. Tom I. Kraków, 1845. 368 p.
30. *Inalcik H.* The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 3–4. 1979–1980. Pp. 445–466.
31. *Kluczycki F. K.* Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego. Tom 1, cz. 1. Kraków, 1880. 751 p.
32. *Królikowska N.* Praworządny jak Tatarzyn? Stosunki prawne w Chanacie Krymskim na podstawie miejscowych ksiąg sądowych z XVII wieku // *Czasopismo Prawno-Historyczne*. Tom LXV. Zeszyt. 1. 2013. C. 121–142.
33. *Majewski W.* Podhajce — letnia i jesenna kampania 1667 r. // *Studia i materiały do historii wojskowości*. 1960. Tom 6, część 1. S. 47–99.
34. *Nagielski M.* Warszawa 1656. Warszawa: Bellona, 1990. 353 p.
35. *Nowatkiewicz P.* Orynin 28 IX 1618. Zabrze: Inforteditions, 2009. 72 p.
36. *Pienskoj W.* Mołodia 28 VII – 3 VIII 1572. Zabrze – Tarnowskie Góry: Inforteditions, 2016. 96 p.
37. *Podhorodecki L.* Chanat krymski i jego stosunki z Polską w XV–XVIII wieku. Warszawa: Książka i Wiedza, 1987. 358 p.
38. Polska sztuka wojenna w latach 1454–1563. Wypisy źródłowe do historii polskiej sztuki wojennej. Zeszyt 4. Warszawa, 1958. 157 p.
39. *Wagner M.* Stanisław Jabłonowski, kasztelan krakowski, hetman wielki koronny. Warszawa: MaDA, 2000. 227 p.
40. *Wagner M.* Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676. Tom II. Zabrze: Inforteditions, 2009. 376 p.
41. *Wimmer J.* Odsiecz wiedeńska 1683 roku. Warszawa: Interpress, 1983. 254 p.
42. *Wojtasik J.* Podhajce 1698. Warszawa: Wydawnictwo Bellona, 1990. 183 p.

Сведения об авторе: Шейхумеров Амет-хан Азизович – лаборант-исследователь Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, г. Казань, Российская Федерация); amet.sheykhumeroov@mail.ru.

Mythology and the realities of the Battle of Molodi

Amet-han Sheykhumeroov

(Crimean Scientific Center of the Sh. Marjani institute of History)

Abstract. Historical events are constantly becoming an object of speculations. The battle of Molodi was also falsified. The siege, in the description of Russian researches, turned out into a heavy field of battle, the organized withdrawal of

troops, turned into the disorganized rout on a limited distance (up to 2 km.) in front of the gulyay-gorod, where the writers gathered “a large Tatar army”. Bright scenes of the fight and heavy losses of the Crimean Tatars became canonical, almost always complemented by stories of “destructions” and “ruins” among them.

Referring to the sources shows that this is a lie. Russian contemporaries of the battle did not associate the Khan’s retreat with heavy losses. They explained it to “God’s mercy” or fear offensive new Moscow troops. Sources do not report “panic” and “catastrophe” during the assault on August 2.

A study of data on the Crimean Tatar aristocracy shows that it did not suffer catastrophic damage in 1572. The political elite of the Crimean Khanate is aware of the loss of the Mangyt Karachi Bek Divey Bey. According to the official Russian estimates, a small part of the Crimean nobility was lost. There was no “ruins” and “destruction” of the troops of Devlet I Giray in the battle of Molodi.

Keywords: battle of Molodi, military history, Crimean Tatars, Crimean Khanate, Russia, falsification of history.

For citation: *Sheykhumerov A. A. Mythology and the realities of the Battle of Molodi). Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review. 2019, no. 2, pp. 133–154. DOI: 10.22378/kio.2019.2.133-154*

REFERENCES

1. Buganov V. I. *Dokumenty o srazhenii pri Molodyakh* [Documents on the Battle of Molodi]. *Istoricheskii arkhiv* [Historical archive]. 1959. Vol. 4, pp. 166–183
2. Vinogradov A. V., Malov A. V. «*Soshlis’ s nimi u Voskresen’ya v Molodekh*». *Materialy o pokhode Devlet-Gireya I na Moskvu 1572 g. v Krymskoy posol’skoy knige 1571–1578 gg.* [Fought with Them near the Resurrection in Molodi]: Materials on Devlet-Giray’s War against Moscow in 1572 in the Book of Crimean Embassies from 1571–1578]. *Edinorog. Materialy po voennoy istorii Vostochnoy Evropy epokhi Srednikh vekov i Rannego Novogo vremeni* [Edinorog: Materials on the military history of Eastern Europe of the Middle Ages and Early Modern Times]. Vol. 2. M., 2011, pp. 202–253.
3. Vinogradov A. V. *Sostav politicheskoy elity Krymskogo khanstva v 1560–1590 gg. po materialam russkoy i pol’sko-litovskoy posol’skoy dokumentatsii* [Political elite of the Crimean Khanate in 1560–1590s]. *Vostok* [Orient]. 2016. Vol. 5, pp. 25–41.
4. Gabdullin I. R. *Ot sluzhilykh tatar k tatarskomu dvoryanstvu* [From serving Tatars to Tatar nobility]. Moscow, 2006. 320 p.
5. Dudin A. A. *Molodinskaja bitva* [Battle of Molodi]. Moscow, 2016. 130 p.
6. Karamzin M. N. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of Russian state]. Tom X. Saint Petersburg, 1824. 291 p.

7. *Kniga Polotskogo pokhoda 1563 g.: issledovaniya i tekst* [The book of the Polotsk campaign in 1563: research and text]. Saint Petersburg: Russian National Library, 2004. 107 p.

8. Kostochkin I. V. *Molodinskaya kampaniya 1572 goda. Taktika, strategiya, voysko* [Campaign of Molodi 1572. Tactics, strategy, army]. *Voyna i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. Trudy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [War and weapons: New research and materials. Works 5th International Scientific and Practical Conference]. 2014. Part II, pp. 378–389.

9. Lashkov F. F. *Sbornik dokumentov po istorii krymsko-tatarskogo zemlevladeniya* [Collection of documents on the history of the Crimean Tatar landownership]. *Izvestiya Tavricheskoy uchetnoy arkhivnoy komissii* [News of the Taurian scientific archival Commission]. 1895. Vol. 23. pp. 118–129.

10. Malov A. V. *Molodinskaya bitva v kontekste voenno-politicheskoy situatsii v musul'mano-khristianskoy kontaktnoy zone* [Battle of Molodi in the context of the military-political situation in the Muslim-Christian contact zone]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar states]. Vol. 2. Kazan: Ikhlas, 2010. pp. 186–207.

11. Penskov V. V. *Posledniy boy: nashestvie krymskogo khana Gazi-Gireya II na Moskvu v 1591 g.* [The last battle: the invasion of the Crimean Khan Gazi Giray II to Moscow in 1591]. *Istoriya v podrobnostyakh* [History in detail]. 2010. Vol. 11, pp. 16–29.

12. Penskov V. V. *Voennoe delo Moskovskogo gosudarstva. Ot Vasiliya Temnogo do Mikhaila Romanova. Vtoraya polovina XV – nachalo XVII v.* [Military affairs of the Moscow State. From Vasily the Blind to Mikhail Romanov. The second half of the XV – the beginning of the XVII century.]. Moscow: OOO «Tsentrpoligraf», 2018. 352 p.

13. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Tom 13. Chast 1* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 13, Part 1]. Saint Petersburg, 1904. 303 p.

14. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Tom 34* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 34]. Moscow: Nauka, 1978. 313 p.

15. *Posol'skaja kniga po svjazjam Moskovskogo gosudarstva s Krymom 1567–1572 gg.* [The embassy book on relations of the Moscow state with Crimea 1567–1572]. Moscow, 2016. 400 p.

16. *Posol'skaja kniga po svjazjam Moskovskogo gosudarstva s Krymom 1571–1577 gg.* [The embassy book on relations of the Moscow state with Crimea 1571–1577]. Moscow, 2016. 400 p.

17. *Razryadnaya kniga 1550–1636 gg.* Vol. I. Moscow: Nauka, 1975. 357 p.

18. Smirnov N. V. *Russkaya armiya na litovskom napravlenii vo vremya velikolukskoy kampanii Stefana Batoriya 1580 goda* [The Russian army in the Lithuanian direction during the Velikolutsky campaign of Stefan Batory in 1580]. *Novogardia*. 2019. Vol. 2, pp. 197–212.

19. *Puteshestviya russkikh poslov XVI–XVII vv.* [Travel Russian ambassadors XVI–XVII centuries]. Moscow – Leningrad, 1954. 490 p.
20. Storozhenko A.V. *Stefan Batoriy i dneprovskie kazaki* [Stephen Báthory and Dnieper Cossacks]. Kiev, 1904. 327 p.
21. Striykovs'kiy M. *Litopis pol's'kiy, litovs'kiy, zhmuds'kiy i vsiei Rusi* [Chronicle of Poland, Lithuania, Samogitia and all of Rus]. Lviv, 2011. 1075 p.
22. Farzaliev A. *Yuzhnyy Kavkaz v kontse XVI v. Osmano-sefevidskoe sopernichestvo* [South Caucasus at the end of the XVI century. Ottoman-Safavid rivalry]. Saint Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg University, 2002. 153 p.
23. Filyushkin A. I. *Formuly samoprezentatsii vysshey vlasti v invocatio posol'skikh gramot Ivana IV* [Formulas for self-presentation of the highest authority in invocatio of embassies of Ivan IV]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Ancient Russia: issues of medieval studies]. 2006. Vol. 1(23), pp. 76–90.
24. Filyushkin A. I. *Mifologiya i realii bitvy pod Nevelem 1562 g.* [Mythology and the realities of the Battle of Nevel 1562]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana / Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya* [Studia Slavica et Balcanica Petropolitana / Petersburg Slavic and Balkan Studies]. 2012. № 1. pp. 197–202.
25. Filyushkin A. I. *Pobedy russkoy armii i flota.* [Victories of the Russian army and navy]. Moscow: ROSMEN, 2015. 80 p.
26. Shtaden Genrikh. *Zapiski o Moskovii. V 2-kh tomakh. Tom 1.* [Notes about Muscovy. In two volumes. Vol. 2]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2008. 584 p.
27. Evliya Chelebi. *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti* [Book of Travel. Crimea and neighboring regions]. Simferopol: Dolya, 2008. 274 p.
28. Filjushkin A. *Ivan the Terrible: A Military History.* London: Frontline books, 2008. 304 p.
29. Grabowski A. *Ojczyzste spominki w pismach do dziejów dawniej Polski. Tom I.* Kraków, 1845. 368 p.
30. Inalcik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray. *Harvard Ukrainian Studies.* Vol. 3–4. 1979–1980. Pp. 445–466.
31. Kluczycki F. K. *Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego. Tom 1, cz. 1.* Kraków, 1880. 751 p.
32. Królikowska N. Praworządny jak Tatarzyn? Stosunki prawne w Chanacie Krymskim na podstawie miejscowych ksiąg sądowych z XVII wieku. *Czasopismo Prawno-Historyczne.* Tom LXV. Zeszyt. 1. 2013, pp. 121–142.
33. Majewski W. Podhajce — letnia i jesenna kampania 1667 r. *Studia i materiały do historii wojskowości.* 1960. Tom 6, część 1, pp. 47–99.
34. Nagielski M. *Warszawa 1656.* Warszawa: Bellona, 1990. 353 p.
35. Nowatkiewicz P. *Orynin 28 IX 1618.* Zabrze: Inforteditions, 2009. 72 p.
36. Pienskoj W. *Mołodia 28 VII – 3 VIII 1572.* Zabrze – Tarnowskie Góry: Inforteditions, 2016. 96 p.

37. Podhorodecki L. Chanat krymski i jego stosunki z Polską w XV–XVIII wieku. Warszawa: Książka i Wiedza, 1987. 358 p.
38. Polska sztuka wojenna w latach 1454–1563. Wypisy źródłowe do historii polskiej sztuki wojennej. Zeszyt 4. Warszawa, 1958. 157 p.
39. Wagner M. Stanisław Jabłonowski, kasztelan krakowski, hetman wielki koronny. Warszawa: MadA, 2000. 227 p.
40. Wagner M. Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676. Tom II. Zabrze: Infortitions, 2009. 376 p.
41. Wimmer J. Odsiecz wiedeńska 1683 roku. Warszawa: Interpress, 1983. 254 p.
42. Wojtasik J. Podhajce 1698. Warszawa: Wydawnictwo Bellona, 1990. 183 p.

About the author: Sheykhumerov Amet-han Azizovich – Research Assistant of the Crimean Scientific Center of the Sh. Marjani institute of History of AS RT (420111, Baturin st., 7A, Kazan, Russian Federation); amet.sheykhumerov@mail.ru.

